

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

ТЕНДЕНЦИИ И ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

№ 10(48) Май 2017 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ.....	3
1. ИНФЛЯЦИЯ ДОСТИГЛА ЦЕЛЕВОГО ОРИЕНТИРА (А.Божечкова, А.Киуцевская, П.Трунин)	7
2. КАКОЙ КУРС РУБЛЯ НУЖЕН РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (С.Цухло).....	11
3. БЮДЖЕТЫ РЕГИОНОВ: ДОХОДЫ РАСТУТ, ЖЕСТКАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЯЕТСЯ (И.Арлашкин, А.Дерюгин)	16
4. ВНЕШНИЙ ОБОРОТ УСЛУГ В 2016 ГОДУ: СНИЖЕНИЕ ИМПОРТА ВЫЗВАНО АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ (А.Кнобель, А.Фиранчук).....	21
5. ПОВЫШЕНИЕ МРОТ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ (В.Ляшок)	26
АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА	30

Мониторинг подготовлен коллективом экспертов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Института Гайдара), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Всероссийской академии внешней торговли (ВАВТ) Минэкономразвития России.

Редколлегия: Дробышевский С.М., Кадочников П.А., Мау В.А., Синельников-Мурылев С.Г.

Редактор: Гуревич В.С.

Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2017. № 10 (48). Май / Арлашкин И., Божечкова А., Дерюгин А., Киюцевская А., Кнобель А., Ляшок В., Трунин П., Фиранчук А., Цухло С. Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Кадочникова П.А., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Всероссийская академия внешней торговли. 30 с. URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2017_10-48_May.pdf

При частичном или полном использовании материалов ссылка на источник обязательна.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ВЫВОДЫ

Достигнутый к середине мая целевой уровень инфляции – 4% в годовом выражении – важен, как минимум, по двум соображениям. Во-первых, как опровержение массового пессимизма, проявленного в свое время, когда представители ЦБ лишь заговорили о самой такой возможности, а официальный таргет на 2017 г. еще даже не был провозглашен. Во-вторых, как свидетельство, что в текущей ситуации угроза стагфляции в России выглядит уже малореальной. Сегодня чаще говорят, напротив, о потенциальной (хотя и не слишком аргументированной) угрозе дефляции, а также о том, что таргет достигнут досрочно – не в конце года, а в конце весны. Фундаментальные же вопросы о влиянии низкой инфляции на экономику и жизнь останутся без практического ответа, если она не останется низкой.

Наши эксперты отмечают два основных фактора, способствовавших торможению инфляции: низкие темпы восстановления совокупного спроса и укрепление рубля на протяжении последних пяти месяцев. При этом индекс потребительских цен снижался по всем своим компонентам: продовольственные товары, непродовольственные товары (в прошлом году именно они вносили в инфляцию наибольший вклад) и услуги населению.

Тем не менее риски ускорения инфляции очевидны. В их числе разнонаправленное движение ставок в РФ и США: ужесточение денежно-кредитной политики ФРС при одновременном снижении процентных ставок в России повысит привлекательность американских активов и стимулирует отток капиталов. Возможно также более быстрое восстановление потребительского спроса, прежде всего за счет роста кредитования. Сохраняется неопределенность бюджетной политики, в том числе с учетом электорального цикла. Наконец, инфляционные ожидания хотя и достигли в апреле исторического минимума в 11%, они по-прежнему намного превышают уровень фактической инфляции. С учетом всех этих факторов ЦБ продолжит свою консервативную политику, смягчая ее постепенно. При этом, отмечают эксперты, по мере восстановления экономического роста и адаптации к низкой инфляции можно будет ставить вопрос о снижении ее целевого значения. Добавим, что в этом случае, скорее всего, скептиков относительно достижимости такого нового таргета будет несравненно меньше.

Если торможение инфляции воспринимается в основном позитивно, то укрепление рубля, сыгравшее в этом немалую роль, – совсем неоднозначно. В том числе представители различных ведомств и министерств неоднократно называли и продолжают называть желаемые (оптимальные, по их мнению) курсовые значения национальной валюты, а именно в диапазоне 62–65 рублей за доллар. Исследователи из Института Гайдара, регулярно проводящие опросы российских промышленных предприятий, этой весной добавили вопрос о желательном для предприятий

курсе рубля. Большинство ответов серьезно расходится с тем, что считают оптимальным чиновники и некоторые экономисты, причем позиция производителей основана уже на достаточном опыте хозяйствования как при резко ослабленном, так и укрепившемся рубле.

Как следует из полученных данных, российская промышленность считает желательным для себя курс 52 руб./долл. (показательно, что практически такой же курс – 51 руб./долл. – рассматривали как оптимальный предприятия, опрошенные год назад по инициативе ЦБ). Самый крепкий рубль (42 руб./долл.) требуется фармацевтической промышленности, сильно зависящей от импортного сырья и оборудования, 48–49 руб./долл. – легкой и пищевой промышленности. На другом полюсе – металлургия (61 руб./долл.) и химическая промышленность (59 руб./долл.), ориентированные в большей степени на экспорт.

Когда рубль стал падать, то, согласно опросу в феврале 2015 г., за укрепление рубля высказывалось 58% предприятий, а 2% – за продолжение девальвации. В течение всего периода 2015–2017 гг. абсолютное большинство предприятий (до 78%) говорили об укреплении рубля как о необходимом условии для снижения издержек производства, в то время как девальвация, по мнению 67–72% предприятий, повышает себестоимость продукции. Подобным же образом производители отдают явное предпочтение крепкому рублю как фактору, повышающему внутренний спрос. И, наконец, доля российских предприятий, считающих, что укрепление рубля стимулирует инвестиции, в 5–7 раз превосходит долю тех, кто видит стимулы для инвестиционной активности в ослаблении национальной валюты. Причем такой результат был подтвержден и этой весной, когда рубль уже относительно укрепился – то есть предприятия говорили о желательности его дальнейшего укрепления.

Опросы также подтверждают в целом позитивный настрой промышленности в I квартале этого года, и это вполне коррелирует с анализом исполнения региональных и местных бюджетов за этот период. Их доходы выросли (по сравнению с I кварталом 2016 г.) на 16,8%, причем основную роль сыграл рост на 30,5% прибыли предприятий и организаций (последовавшее серьезное снижение доходной динамики в апреле во многом объясняется переносом платежей по налогу на прибыль на май). Позитивный результат был получен несмотря на сокращение ставки налога на прибыль, зачисляемого в бюджеты регионов.

Расходы консолидированных бюджетов субъектов росли в январе-апреле 2017 г. (если сравнивать с теми же месяцами прошлого года) гораздо скромнее и примерно соответствовали уровню инфляции (апрель к апрелю). По сравнению с тем же периодом совсем не увеличился, а даже сократился в номинале на 3,2% (до 2,275 трлн руб.) государственный долг регионов. Причем структура этого долга продолжает меняться в благоприятную для должников сторону – доля дешевых кредитов из федерального бюджета (47,4% на 1 апреля) уже значительно превосходит долю дорогих коммерческих кредитов (28,7%), хотя еще два года назад последние преобладали. Это дает нашим экспертам «повод говорить о наличии реальных перспектив решения долговой проблемы регионов». Правда, ситуация в ряде регионов далеко не такая радужная. Наиболее острая – в Кабардино-Балкарской Республике (в том числе за счет резкого падения доходов от акцизов на алкоголь, которое будет носить долгосрочный характер).

Региональные различия сохраняют свою актуальность и при анализе внешнеэкономической ситуации. Несмотря на санкции и контрсанкции Европейский союз остается важнейшим партнером России как в товарообороте, так и в обороте услуг. Более того, по итогам 2016 г. доля ЕС в обороте услугами даже выросла на 1,7 п.п. до 44,8%, что превосходит уровень 2013–2015 гг. Выросла по этому показателю и доля Китая (на 0,8 п.п.), однако она по-прежнему занимает скромное место (3,2%): это меньше, чем доля, например, Швейцарии (4,6%). На этом фоне из-за административных ограничений и санкций доля Египта в российском внешнем обороте услуг упала до 0 (с 2,3% в 2015 г.), а Турции – соответственно до 2,6% с 6,4%.

В целом за 2016 г. внешнеторговый оборот услуг снизился на 11% (до 125 млрд долл.), что соответствует и снижению товарооборота. Таким образом, доля услуг во внешней торговле РФ осталась неизменной (21,1%). Если российский экспорт услуг снизился всего на 2%, то импорт – на 16%. Это произошло за счет того, что резко (на 31%) упала крупнейшая сфера услуг – «поездки» (существенно снизился и импорт услуг «строительство»), что вполне объяснимо, учитывая санкции в отношении Турции и запрет на авиасообщение с Египтом. Однако следует учитывать, что негативно на импорте услуг «поездки» сказалось и продолжавшееся в прошлом году снижение реальных доходов населения: сокращение поездок за рубеж было ожидаемым.

В кризисных условиях последних двух лет динамика доходов, зарплат, прожиточного минимума приобрела особую важность. Наши эксперты анализируют возможные последствия принятия законопроекта о повышении минимального размера оплаты труда (МРОТ) до уровня прожиточного минимума. Такой проект готовится по недавнему поручению премьер-министра Дмитрия Медведева, и, вероятно, в течение ближайших двух-трех лет минимальная зарплата достигнет целевого значения. Сама идея не раз обсуждалась в прошлом, а в Трудовом кодексе (2001 г.) даже указывалось, что МРОТ не должен быть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения.

Исходя из сегодняшних показателей, по обоим «минимумам» для достижения искомого уровня МРОТ должен вырасти на 40%. Это означает также, что минимальная зарплата увеличится с нынешних 20% от средней до 28%, что, впрочем, не сильно отразится на позициях России по этому показателю: доля МРОТ по отношению к средней зарплате в европейских странах примерно вдвое выше (в США, правда, она составляет только 25%).

Эксперты оценивают численность работников, которых напрямую затронет повышение МРОТ до прожиточного минимума, в 3–4 млн чел. (5–6% всех занятых) или меньше – при росте реального уровня зарплат. Согласно данным Росстата, в прошлом году зарплату ниже прожиточного минимума получали около 10% работников. Однако в наблюдаемом секторе экономики РФ трудится лишь примерно две трети от общей численности занятых. В неформальном секторе аналогичное повышение прогнозировать довольно сложно.

Основываясь на опыте уже состоявшихся в России повышений МРОТ, а также на зарубежных исследованиях, эксперты полагают, что повышение уровня минимальной зарплаты способно дать как положительный, так и негативный эффект. К первому они относят снижение неравенства,

некоторое уменьшение уровня бедности и общий рост зарплат в наблюдаемом секторе, ко второму – рост неформального сектора и безработицы у наиболее уязвимой части работников.

Особое внимание они обращают на региональный аспект проблемы. С 2007 г. регионы получили возможность устанавливать собственный уровень минимальной зарплаты при условии, что он будет не ниже федерального. 53 региона воспользовались такой возможностью, и уже сейчас в некоторых из них минимальная зарплата выше федерального прожиточного минимума. В итоге 44 млн человек проживает в регионах, где еще не написанный закон уже формально выполнен. Таким образом, он затронет в первую очередь более бедные регионы с высокой неформальной занятостью. Однако попытки стимулировать производительность и снизить бедность среди работников столкнется со слабой экономикой региона. Межрегиональное неравенство создает дополнительные барьеры при попытке решить проблему «работающих бедных» едиными для всей страны методами. Вывод: проблемы минимальной зарплаты следует решать на региональном, а не на общероссийском уровне. ●

1. ИНФЛЯЦИЯ ДОСТИГЛА ЦЕЛЕВОГО ОРИЕНТИРА

А.Божечкова, А.Киюцевская, П.Трунин

По данным Росстата, в середине мая 2017 г. инфляция достигла уровня 4%, обозначенного Банком России в качестве целевого ориентира на 2017 г. Однако, несмотря на существенное замедление фактической инфляции, инфляционные ожидания остаются на высоком уровне. Риски падения цен на нефть и оттока капитала обуславливают медленные темпы смягчения монетарной политики.

С начала года Банк России дважды понижал ключевую ставку: 24 марта на 0,25 п.п. – до 9,75% годовых и 28 апреля на 0,5 п.п. – до 9,25% годовых. До этого ЦБ РФ почти полгода не изменял свои процентные ставки, стремясь закрепить тенденцию к устойчивому снижению инфляции. В январе-апреле 2017 г. инфляция снизилась с 5% в январе (к январю 2016 г.) до 4,1% в апреле (к апрелю 2016 г.). Учитывая, что темп прироста потребительских цен в апреле оказался равным 0,3%, по итогам апреля инфляция в годовом выражении составила 3,7%. По итогам пятнадцати дней мая индекс потребительских цен вырос на 0,2% и, согласно оценкам Росстата, достиг 4,0% (к аналогичному периоду 2016 г.), что соответствует целевому ориентиру Банка России на конец 2017 г. (рис. 1). Напомним, что еще в декабре 2016 г. Банк России предполагал, что снизить инфляцию до 4% удастся только к концу 2017 г. Замедлению инфляции способствовали низкие темпы восстановления совокупного спроса, а также укрепление рубля на протяжении последних пяти месяцев.

Снижению потребительской инфляции способствовали все компоненты индекса потребительских цен. Так, продовольственные товары подорожали за январь-апрель лишь на 1,8% (2,7% в январе-апреле 2016 г.). При этом наибольший вклад в продовольственную инфляцию в апреле внес рост цен на плодоовощную продукцию на 4,7% по отношению к марту (-0,1% в апреле 2016 г.), обусловленный, по всей видимости, исчерпанием запасов прошлого урожая. В связи с этим продовольственная инфляция по итогам апреля ускорилась до 0,6% (0,4% в апреле 2016 г.), в марте же она оставила 0,1%. Тем не менее относительно низкие темпы роста цен на остальные группы продовольственных товаров компенсировали удорожание овощей и фруктов.

Цены на непродовольственные товары за январь-апрель выросли на 1,1% (2,9% в январе-апреле 2016 г.). В целом замедление инфляции в секторе непродовольственных товаров оказалось наиболее заметным по

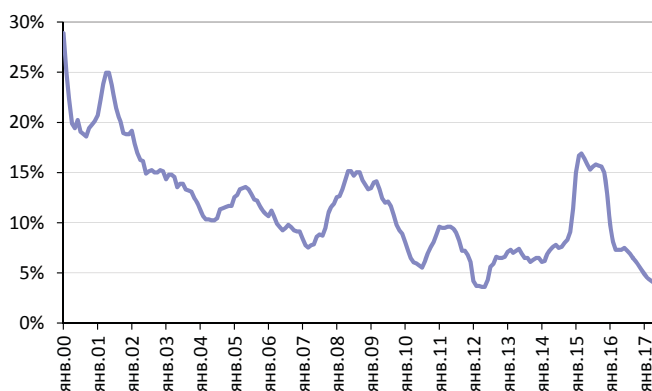

Рис. 1. Темп прироста ИПЦ в 2011–2017 гг., % за предыдущие 12 месяцев

Источник: Росстат.

сравнению с другими компонентами (0,2% в апреле 2017 г. по сравнению с 0,6% в апреле 2016 г.). Цены и тарифы на платные услуги населения за первые четыре месяца 2017 г. увеличились на 1,0%, преимущественно за счет подорожания услуг пассажирского транспорта. В целом инфляция в секторе услуг в апреле составила 0,2% к предыдущему месяцу (0,3% в апреле 2016 г.).

Слабый потребительский спрос по-прежнему остается одним из ключевых факторов, сдерживающих инфляцию. Так, падение реальных располагаемых денежных доходов населения в апреле вновь ускорилось и достигло 7,6% по сравнению с апрелем прошлого года (снижение в феврале составило 3,3%, а в марте 2,1%). С октября 2014 г. данный показатель продемонстрировал рост лишь в январе текущего года в связи с единовременной выплатой пенсионерам.

Замедлению инфляции также способствовала динамика курса рубля. С начала года рубль к доллару укрепился на 4,0% и, по данным на 20 мая, составил 57,2 руб. за долл., достигнув в конце апреля уровня июля 2015 г. (55,85 руб. за долл.). В среднем в январе-мае курс рубля к доллару составлял 59,9 руб.

Наблюдаемое укрепление рубля связано преимущественно с ростом цен на нефть в январе-мае текущего года на 40% по отношению к январю-маю 2016 г. или на 21,8% по отношению к среднему уровню 2016 г. В результате за январь-апрель 2017 г. номинальный эффективный курс рубля увеличился более существенно (на 7,8% к декабрю 2016 г.), чем валюты развивающихся стран, уступив лидерство только мексиканскому песо (рост на 8,3% к декабрю 2016 г.) (рис. 2).

Несмотря на существенное замедление темпов роста потребительских цен, сохраняются риски ускорения инфляции. В первую очередь это обусловлено рисками коррекции валютного курса вследствие снижения цен на нефть. Также на курсовую динамику может повлиять возможное ужесточение денежно-кредитной политики ФРС при одновременном снижении процентных ставок в РФ, что повысит привлекательность активов США, вызвав отток капитала с других развитых и развивающихся рынков, в том числе из России. Учитывая подобные риски, Банк России, по всей видимости, продолжит проводить умеренно консервативную монетарную политику, медленно смягчая условия кредитования.

Помимо этого, риски для инфляции связаны с возможным восстановлением совокупного спроса. Как показывают оценки Росстата, в апреле текущего года оборот розничной торговли не изменился по сравнению с апрелем предыдущего года после падения в годовом выражении на протяжении более двух лет. С учетом отмеченного выше

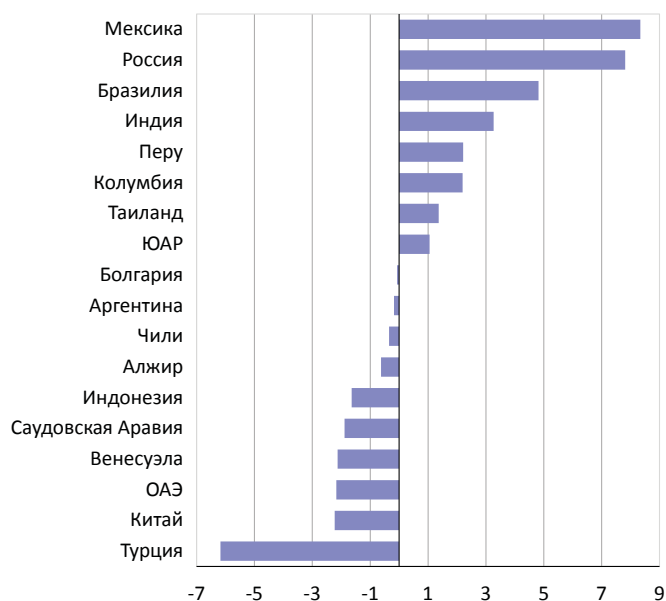

Рис. 2. Прирост номинального эффективного валютного курса развивающихся стран по сравнению с декабрем 2016 г., %
Источник: МВФ.

продолжения падения реальных доходов это может быть связано с ростом потребительского кредитования.

Помимо удержания инфляции на уровне 4% перед Банком России также стоит задача снижения инфляционных ожиданий. Сохранение инфляционных ожиданий экономических агентов на высоком уровне представляется еще одним источником увеличения инфляции, вынуждающим ЦБ РФ проводить осторожную политику. Медианное значение инфляционных ожиданий населения, по оценкам Банка России на основе данных опроса «ИнФОМ», в апреле достигло исторического минимума, составившего 11% (снижение по сравнению с мартом на 0,2 п.п.). Тем не менее он существенно выше значений фактической инфляции, что свидетельствует о высокой инерционности инфляционных ожиданий.

Наконец, источником инфляционных рисков остается неопределенность относительно бюджетной политики, особенно с учетом текущей фазы электорального цикла. Так, 18 мая Правительство РФ одобрило поправки Минфина в бюджет 2017 г., предполагающие увеличение бюджетных расходов на 315 млрд руб. при снижении использования средств Резервного фонда на 91,1 млрд руб. и Фонда национального благосостояния на 4,7 млрд руб.

Таким образом, учитывая возможные риски ускорения инфляционных процессов в 2017 г., Банк России, по всей видимости, продолжит постепенное смягчение политики, учитывая при этом динамику совокупного спроса, инфляционных ожиданий, а также бюджетную политику.

Таблица 1

ЦЕЛЕВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПО ИНФЛЯЦИИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

	Фактическая инфляция (апрель 2017 г. к апрелю 2016 г.)	Целевой ориентир на 2017 г.
Развивающиеся страны		
Турция	11,9%	5% +/-2 п.п.
Казахстан	7,5%	6–8%
Южная Африка	6,1%	3–6%
Мексика	5,8%	3% +/-1 п.п.
Колумбия	4,7%	3,0%
Индонезия	4,2%	4% +/-1 п.п.
Россия	4,10%	4%
Бразилия	4,1%	4,5 +/-1,5 п.п.
Перу	3,7%	1–3%
Индия	3,0%	2–6%
Чили	2,7%	3% +/-1 п.п.
Венгрия	2,2%	3% +/-1 п.п.
Польша	2,2%	2,5 +/-1 п.п.
Румыния	0,6%	2,5 +/-1 п.п.
Развитые страны		
Великобритания	2,7%	2,0%
Норвегия	2,2%	2,5%
Новая Зеландия	2,2%	1–3%
Австралия	2,1%	2–3%
Чехия	2,0%	2% +/-1 п.п.
Канада	1,6%	1–3%
Исландия	1,9%	2,5%
Израиль	0,7%	1–3%

Источник: сайты центральных банков.

Следует отметить, что выбранная ЦБ РФ цель по инфляции в 4% представляется обоснованной и соотносится с практикой центральных банков развивающихся стран (см. *табл. 1*).

Уровень целевого значения инфляции, обозначенный российским ЦБ, является невысоким по меркам других развивающихся стран, и его повышение будет идти вразрез с мировой практикой. Более того, по мере восстановления экономического роста и адаптации экономических агентов к низкой инфляции можно будет ставить вопрос и о снижении целевого значения. ●

2. КАКОЙ КУРС РУБЛЯ НУЖЕН РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

С.Цухло

Как показывает исследование Института Гайдара, мнение предприятий российской промышленности об оптимальном для нее курсе рубля различается в зависимости от того, о какой отрасли идет речь. Тем не менее большинство отраслей и предприятий склоняются к тому, что им выгоден крепкий рубль.

В марте 2017 г. в анкету регулярного конъюнктурного опроса Института Гайдара был добавлен вопрос об оптимальном (желательном) курсе рубля для предприятий. Формулировка почти в точности повторяла вопрос, который задавался в мае 2016 г. тем же предприятиям по инициативе Департамента исследований и прогнозирования Центрального банка РФ¹.

Его результаты будут выглядеть вполне обоснованными, поскольку российская промышленность уже более двух лет на практике (т.е. с учетом спроса на свою продукцию, своих цен, цен на сырье и материалы, цен на машины и оборудование) живет в условиях свободного плавания рубля. Напомним, что в 2014–2017 гг. курс национальной валюты изменялся (по среднемесячным курсам Центрального банка РФ) от 33,78 до 77,93 руб./долл. После девальвации декабря 2014 г. среднемесячный курс рубля находился в интервале от 50,47 до 77,93 руб./долл. Таким образом, у предприятий было достаточно времени увидеть реальные последствия как ослабления, так и укрепления рубля и оценить, какой курс рубля нужен каждому из них.

Предпочтения отраслей

Как показал наш опрос, в марте 2017 г. российской промышленности нужен был курс 52 руб./долл. Этот результат почти не отличается от результата мая 2016 г. (51 руб./долл.). Промышленность, таким образом, имеет вполне устоявшиеся и проверенные уже временем представления о курсе национальной валюты в современных реальных условиях производства и сбыта. При этом результаты по отраслям демонстрируют абсолютно логичные различия.

Самый крепкий рубль (42 руб./долл.) нужен фармацевтической промышленности, которая, похоже, сильно зависит от импортного сырья (субстанций) и оборудования, не смогла найти их российских аналогов и оценила зависимость спроса населения даже на российские препараты от курса национальной валюты. На другом полюсе находятся металлургические предприятия, для которых оптимальным является курс 61 руб./долл., что очевидно объясняется возможностью экспортировать свою продукцию. Близкий результат (59 руб.) был получен и в химпроме, который тоже обладает хорошим экспортным потенциалом и успешно реализовал инвестиционные программы в предыдущие годы при еще крепком рубле.

1 О чем говорят тренды. Макроэкономика и рынки. Банк России. 2016. №6. С.46–49.

Удивительные на первый взгляд результаты продемонстрировали легкая и пищевая промышленность, которым нужен практически одинаковый курс в 48–49 рублей за единицу американской валюты. И это при том, что указанные отрасли должны вроде бы иметь диаметрально противоположное отношение к курсу с точки зрения традиционного представления об импортозамещении и конкуренции с импортом. Пищевая отрасль всегда (в 1995–2017 гг.) испытывала минимальную конкуренцию со стороны производителей из дальнего зарубежья (ниже этот показатель был только в промышленности строительных материалов). С августа 2014 г. пищевая промышленность получила дополнительный бонус в виде санкционного запрета на ввоз продовольствия из стран Западной Европы. В результате конкуренция с импортным продовольствием в 2015–2017 гг. снизилась и оценивается российскими пищевиками как «слабая» (заметим, что в 2000–2002 гг. она была ближе к уровню «никакой»). Однако эта отрасль существенно зависит от импортного оборудования и материалов, что и определяет потребность пищевых предприятий в крепком рубле. Последнее не только позволит снизить предприятиям издержки и цены, но и будет означать увеличение реальных доходов населения и оживление спроса на продукты питания.

Легкая промышленность находится в ином положении: ни одна другая отрасль не испытывала такой высокой конкуренции со стороны импорта ни в среднем в 1995–2017 гг., ни в постдевальвационные 2015–2016 гг. Доля конкурентных (с импортом) рынков в этой отрасли в 2011–2013 гг. достигала 80% и опустилась в 2015–2016 гг. только до 73%. В 2015–2017 гг. спросом на свою продукцию удовлетворены только треть предприятий легпрома. И тем не менее этой отрасли тоже нужен крепкий рубль, хотя по всем канонам легкая промышленность должна ратовать за слабый рубль. Такому «неправильному» отношению отрасли к курсу национальной валюты может быть только одно объяснение: легкая промышленность критически зависит от импортного оборудования, сырья, материалов. Поэтому ослабление национальной валюты означает рост ее отпускных цен, снижение инвестиций и, следовательно, качества выпускаемой продукции, падение спроса на внутреннем рынке. В такой ситуации легпром логично отдает предпочтение более крепкому рублю.

Как предприятия формируют свои представления о курсе рубля

Наши опросы еще 2014 г. (апреля и декабря) показали критическую зависимость российских промышленных предприятий от импортного оборудования, комплектующих, сырья. В апреле 2014 г., когда, напомним, термины «девальвация» и «импортозамещение» не входили в лексикон основной массы политиков, экономистов и производителей,

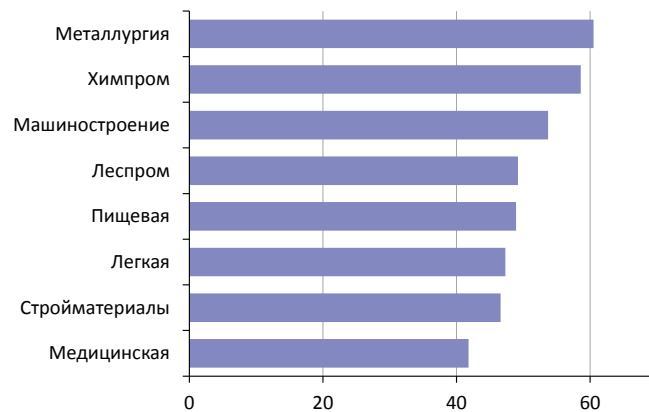

Рис. 1. Оптимальный курс рубля для отраслей российской промышленности, март 2017 г., руб./долл.

40% предприятия признали, что они не смогут отказаться от закупок импорта ни при каком повышении цен на него. Тогда этот результат воспринимался спокойно и имел больше академическое значение, чем политическое. В точности такой же вопрос был включен и в декабрьскую (2014 г.) анкету и – показал абсолютно такие же результаты: около 40% предприятий по-прежнему были не готовы отказаться от закупок импорта ни при каком повышении цен на него. Даже в условиях самой сильной после августа 1998 г. девальвации рубля, когда скачок цен на импорт перешел из гипотетического сценария в реальность.

Следующим впечатляющим результатом стали итоги февральского (2015 г.) опроса промышленных предприятий о наиболее эффективных тогда, в начале кризиса 2015–2016 гг., антикризисных мерах. Отечественные производители, которым положено было радоваться девальвации рубля вследствие неизбежного переключения потребителей с подорожавшего импорта на российские аналоги, на первое место в числе рассматриваемых антикризисных мер поставили укрепление рубля. Тогда за него проголосовали 58% предприятий – столько же, сколько и за снижение налогов. А за продолжение девальвации в феврале 2015 г. выступили только 2% предприятий. Этот результат 2015 г. полностью стыкуется с итогами опросов 2012–2014 гг. об эффективности антикризисных мер в случае возможной «второй волны кризиса». За гипотетическую (тогда!) резкую девальвацию рубля в межкризисный период высказывались только 3% предприятий, за плавную девальвацию – 12%.

Вполне определенное отношение российской промышленности к девальвации рубля заставило нас начать мониторинг влияния курса рубля на основные показатели деятельности предприятий и нужные для промышленности изменения его курса.

По прямым оценкам предприятий, самую сильную зависимость от курса рубля имеет **себестоимость российской продукции**: независимость своих издержек от курса рубля признавали в среднем за 3 года мониторинга только 11% предприятий. При этом промышленности удалось снизить зависимость издержек от курса рубля только на 9 п.п.: с 93% в 2015 г. до 84% в 2017 г. Направление влияния девальвации рубля на себестоимость российской продукции вполне определено – увеличение. Об этом в 2015 г. сообщили 72% и по 67% предприятий – в 2016 и 2017 гг. Снизить издержки (за счет удачного перехода на более дешевые российские аналоги) удалось только 1–2% предприятий. А еще 19% предприятий сообщили о том, что девальвация рубля не сказалась на величине их издержек в силу, видимо, использования заменителей без увеличения их цен. Традиционный баланс влияния (рост минус снижение) составлял по себестоимости +64...+71 пунктов и оказался самым большим среди всех других показателей деятельности предприятий.

В такой ситуации российская промышленность логично демонстрирует максимальную востребованность в укреплении курса рубля именно для снижения своих издержек. Этот результат был получен нами и в 2015, и в 2016, и в 2017 гг. Особенно велика была потребность в укреплении рубля в январе 2016 г., когда курс национальной валюты оказался самым слабым для всего постдевальвационного периода. Тогда о необходимости роста курса рубля для снижения себестоимости продукции заявили 78% предприятий.

На втором месте по зависимости от курса национальной валюты находятся отпускные **цены предприятий**. Только 15% из них в среднем за три года мониторинга сообщили о том, что их цены свободны от влияния курса. В 2017 г. доля таких оценок достигла 19%. Еще четверти предприятий удалось избежать воздействия девальвации рубля на свои цены. Однако абсолютное большинство предприятий сообщило о росте своих цен под влиянием девальвации, и лишь 3% производителям удалось снизить свои цены. Баланс влияния девальвации рубля на цены пребывал в интервале +52..+58 пунктов.

Российской промышленности, несмотря на традиционные представления, не удалось в итоге добиться роста **внутреннего спроса** на свою продукцию в результате девальвации декабря 2014 г. Все три года нашего мониторинга балансы влияния обесценения рубля на внутренние продажи, по оценкам предприятий, были отрицательными и постепенно увеличивали свое негативное влияние с -6 до -15 пунктов. При этом большинство предприятий (более 60%) считает, что внутренний спрос на производимую ими продукцию либо не зависит от курса рубля, либо не изменился под влиянием его колебаний. Максимальный рост спроса на российскую продукцию под влиянием девальвации пришелся на 2015 г. и был отмечен 17% предприятий. Однако к 2017 г. доля таких предприятий снизилась до 11%. Последнее объясняется как укреплением курса рубля, так и постепенной адаптацией покупателей к новым экономическим условиям. А вот негативное (кризисное!) воздействие девальвации рубля на внутренний спрос, по оценкам предприятий, демонстрировало, скорее, обратную динамику (23, 25 и 26% предприятий соответственно) или, по крайней мере, было стабильным.

Это неожиданное для некоторых теоретиков обстоятельство предопределило потребность практиков (руководителей российских промышленных предприятий) в укреплении рубля для стимулирования роста внутреннего спроса на собственную (российскую) продукцию. Особенно велика была эта потребность в январе 2016 г., когда, напомним, курс национальной валюты был самым низким для всех месяцев 2014–2017 гг., а мы именно в январе 2016 г. задали вопрос о предпочтительном для российской промышленности изменении этого курса для роста внутреннего спроса на ее продукцию. На основе опыта первого постдевальвационного, кризисного года, более половины (52%) российской промышленности высказалось за укрепление курса рубля. А ослабление курса для роста внутреннего спроса тогда нужно было только 12% предприятий. Сейчас (в условиях укрепления курса в 2017 г. и начинающегося выхода из кризиса) потребность в дальнейшем укреплении рубля стала меньше – только 27% предприятий нуждается в нем для роста внутреннего спроса на свою продукцию. Но и в этом случае дальнейшее укрепление остается самым востребованным изменением курса национальной валюты для роста внутреннего спроса в 2017 г.

Столь же определенное изменение курса нужно российской промышленности и для **роста инвестиций**. Все годы нашего мониторинга промышленность заявляла, что укрепление рубля будет стимулировать капитальные вложения на предприятиях. Особенно велика была доля таких оценок в начале 2016 г., когда курс был особенно слаб, а промышленность впервые после вступления России в период санкций и обвала инвестиционных планов, стала избавляться от инвестиционного

пессимизма. Тогда 73% предприятий заявили, что им нужно укрепление рубля для роста инвестиций, и только 8% нуждались в его ослаблении для стимулирования капвложений. В марте 2017 г., когда инвестиционные планы промышленности продемонстрировали положительный максимум в условиях кризиса, а среднемесячный курс составил 58 руб., дальнейшее укрепление рубля могло бы стимулировать инвестиции почти у половины российской промышленности, а ослабление – у 11% предприятий. Баланс влияния курса на инвестиции по-прежнему остается определенно в пользу укрепления рубля. ●

3. БЮДЖЕТЫ РЕГИОНОВ: ДОХОДЫ РАСТУТ, ЖЕСТКАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЯЕТСЯ

И.Арлашкин, А.Дерюгин

Несмотря на снижение ставки налога на прибыль, зачисляемого в региональные бюджеты, рост поступлений этого налога позволил большинству регионов показать высокие темпы увеличения доходов и частично восстановить производительные расходы. При этом большинство регионов продолжает придерживаться жесткой бюджетной политики, сдерживая рост расходов.

Доходы

По итогам исполнения региональных и местных бюджетов за I квартал 2017 г. доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации выросли на 16,8%, что существенно выше уровня инфляции (104,3%) за период с марта 2016 г. по март 2017 г. В 70 регионах доходы консолидированного бюджета превысили уровень I квартала предыдущего года. В 64-х из них темпы роста доходов превысили указанный уровень инфляции. Это связано с высокими темпами роста доходов в январе и марте 2017 г., которые составили 137,0 и 115,1% соответственно к январю и марту предыдущего года (рис. 1).

Основными источниками роста доходов в I квартале 2017 г. стали налог на прибыль организаций (130,5% к I кварталу 2016 г.), налоги на имущество (112,9%), а также неналоговые доходы (113,2%).

Были отмечены высокие темпы роста поступлений налога на прибыль в региональные бюджеты, несмотря на передачу с 1 января 2017 г. 1% данного налога с регионального уровня на федеральный.

Темпы роста НДС, основного источника доходов региональных и местных бюджетов (30,4% всех доходов консолидированных бюджетов в 2016 г.), составили в I квартале 2017 г. 106,9%, что ниже как средних темпов роста налоговых и неналоговых поступлений (115,8%), так и темпов роста НДС в 2016 г. (107,5%). В целом динамика НДС соответствует темпам роста заработной платы в экономике (рис. 2).

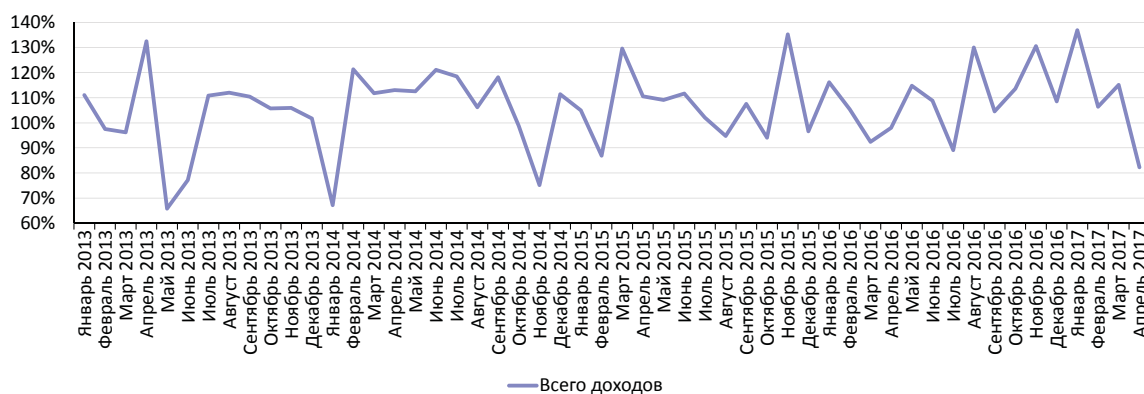

Рис. 1. Темпы роста общего объема доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ к аналогичному периоду предшествующего года, %

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

3. БЮДЖЕТЫ РЕГИОНОВ: ДОХОДЫ РАСТУТ, ЖЕСТКАЯ ПОЛИТИКА СОХРАНЯЕТСЯ

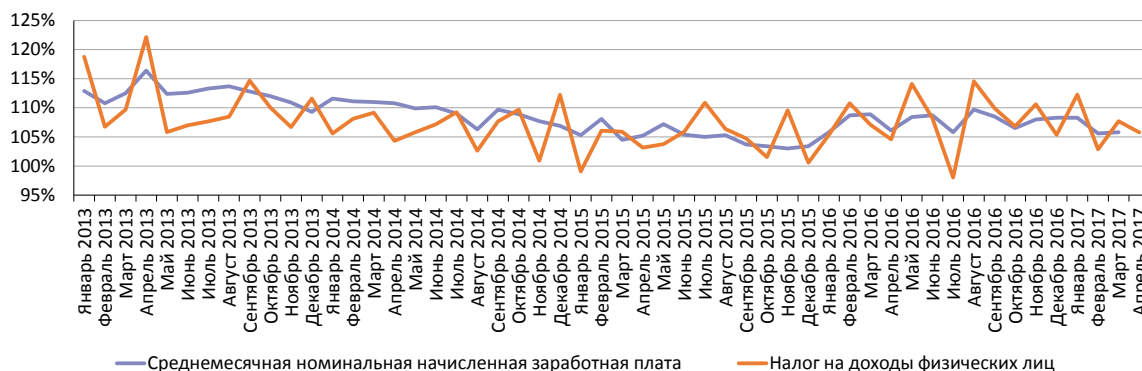

Рис. 2. Темпы роста общего объема поступлений НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов РФ и среднемесячной номинальной начисленной заработной платы, % к аналогичному периоду предшествующего года

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства и Росстата.

Темпы роста собственных налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в I квартале 2017 г. составили 115,5% к соответствующему периоду 2016 г. Из основных доходных источников помимо НДФЛ относительно низкими темпами росли межбюджетные трансферты от бюджетов других уровней (103,9%), что вполне соответствует тенденциям прошлого года.

В территориальном разрезе ситуация достаточно неравномерная. Если рассматривать средние темпы увеличения доходов всего федерального округа, то лидерами роста являются Центральный, Северо-Западный, Южный, Приволжский и Сибирский федеральные округа, где соответствующие темпы составили 119,8, 120,0, 132,8, 121,6 и 121,9%. Отстающие – Северо-Кавказский, Уральский и Дальневосточный федеральные округа с темпами роста 106,5, 98,1 и 101,0% соответственно. Таким образом, все федеральные округа разделились на группы с быстрыми и медленными темпами роста доходов.

Если исключить влияние отдельных регионов на общую картину в федеральном округе и рассматривать долю регионов, темпы роста доходов консолидированных бюджетов которых превысили определенный уровень, то здесь явным аутсайдером является Северо-Кавказский федеральный округ. К лидерам можно отнести Приволжский федеральный округ, в котором этот показатель составил 100%, а половина регионов этого округа превысила уровень 120%.

Как и в прошлом году, в I квартале 2017 г. рост доходов консолидированных бюджетов 14 регионов-доноров, не получающих в последние 2 года дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, несколько отстает от соответствующей динамики менее обеспеченных регионов (115,7% против 117,8%). Эта разница еще более заметна по темпам роста поступлений налога на прибыль (119,3% против 149,8%). Однако судить о наличии тенденций к сокращению фискальной дифференциации между богатыми и бедными регионами пока еще рано.

Предварительные данные об исполнении региональных бюджетов за первые 4 месяца 2017 г. показывают серьезное изменение темпов роста доходов в апреле. Если по итогам I квартала 2017 г. рост доходов консолидированных бюджетов субъектов составил 116,8%, то по итогам 4 месяцев – всего 104,3%. Поступления же налога на прибыль организаций

в региональные бюджеты в апреле упали более чем вдвое, составив 46,9% к апрелю 2016 г.

Однако эти результаты нельзя интерпретировать как резкое изменение тренда в динамике бюджетных доходов, поскольку они в значительной степени обусловлены переносом платежей налога на прибыль на 2 мая. Таким образом, результаты 4 месяцев 2017 г. оказываются несопоставимыми с тем же периодом 2016 г., и делать выводы можно будет лишь по итогам 5 месяцев.

Расходы

За 4 месяца 2017 г. общий рост расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ составил 104,4% к аналогичному периоду предшествующего года, что близко к уровню ИПЦ, который за тот же период (апрель 2017 г. к апрелю 2016 г.) составил 104,1%.

Положительный прирост расходов консолидированного бюджета субъектов РФ по итогам первых 4 месяцев наблюдался в 46 регионах, но только у 22 из них прирост расходов превысил инфляцию за аналогичный период. Таким образом, реальные расходы большинства регионов в этот период сократились.

Кассовое исполнение расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ за 4 месяца 2017 г. составило 27,1%, что достаточно близко к «идеальному» значению в 33,3% (треть объема расходов за треть года). При этом только у 4 регионов кассовое исполнение превышает 33,3%. В то же время у 8 регионов оно составило менее 25% утвержденных назначений по расходам.

Функциональная структура расходов консолидированного бюджета субъектов РФ в I квартале 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. практически не изменилась (табл. 1), хотя можно отметить увеличение доли расходов на национальную экономику и жилищно-

Таблица 1

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАСХОДОВ

Раздел бюджетной классификации расходов	Прирост (3 месяца 2017 г. к 3 месяцам 2016 г.), %	Доля в общем объеме расходов, %	
		2016 г.	2017 г.
Расходы бюджета, всего	7,1	100,0	100,0
Общегосударственные вопросы	7,7	6,3	6,3
Национальная оборона	6,9	0,0	0,0
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	6,3	1,0	1,0
Национальная экономика	12,7	13,3	14,0
Жилищно-коммунальное хозяйство	18,8	7,5	8,3
Охрана окружающей среды	18,1	0,3	0,3
Образование	4,1	28,8	28,0
Культура, кинематография	12,6	3,4	3,6
Здравоохранение	-47,1	16,0	7,9
Социальная политика	47,3	18,9	26,0
Физическая культура и спорт	35,7	1,8	2,3
Средства массовой информации	-6,4	0,5	0,5
Обслуживание государственного и муниципального долга	-8,2	2,1	1,8
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы РФ	-39,2	0,0	0,0

Источник: рассчитано по данным Федерального казначейства.

коммунальное хозяйство. Кроме того, снизились расходы на обслуживание долга, что связано прежде всего с активной федеральной политикой по замещению дорогих в обслуживании банковских кредитов дешевыми бюджетными кредитами.

Резкие изменения долей расходов на здравоохранение и социальную политику, скорее всего, носят технический характер: начиная с 2017 г. практически все регионы стали отражать уплату страховых взносов на ОМС за неработающее население по разделу «Социальная политика», в то время как в прежние годы многие регионы отражали эти расходы по разделу «Здравоохранение». Из негативных тенденций можно отметить снижение доли расходов на образование на 0,8%. При этом по разделу «Образование» в I квартале 2017 г. по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. на 12% снизились расходы на капитальные вложения в объекты государственной (муниципальной) собственности и на 15% – на социальное обеспечение и иные выплаты населению.

Сбалансированность и государственный долг

Сохранение относительно высоких темпов роста налоговых и неналоговых доходов, а также меры, предпринимаемые Минфином России по стимулированию региональных властей к проведению жесткой бюджетной политики, позволили минимизировать бюджетный дефицит и стабилизировать размер государственного долга регионов. Так, с 1 апреля 2016 г. по 1 апреля 2017 г. региональный долг не только не вырос, но даже снизился в номинальном выражении на 3,2% до 2,275 трлн руб.

Несмотря на наличие положительного тренда в решении долговой проблемы регионов сейчас еще рано говорить об однозначности и устойчивости этой тенденции. Сравнение динамики государственного долга регионов-доноров и остальных субъектов РФ показывает, что снижение общего объема долга обусловлено исключительно снижением госдолга регионов-доноров, у которых он и так находится на относительно низком уровне (рис. 3). В остальных регионах объем государственного долга стабилизировался, а не снизился.

Тем не менее достижение практически нулевых темпов роста государственного долга в менее обеспеченных регионах на фоне относительно неплохих темпов роста доходов будет способствовать снижению их долговой нагрузки. При сохранении до конца года темпов роста налоговых и неналоговых доходов бюджетов субъектов РФ, продемонстрированных в I квартале 2017 г., отношение государственного долга регионов к доходам в марте 2017 г. по сравнению с мартом 2016 г. снизится с 33,8 до 27,9%, а по регионам, для которых долговая проблема стоит более остро, это сокращение станет еще более значительным: с 56,3 до 47,8% (рис. 4).

В структуре государственного долга регионов в целом преобладают те же тенденции, что и в прошлом

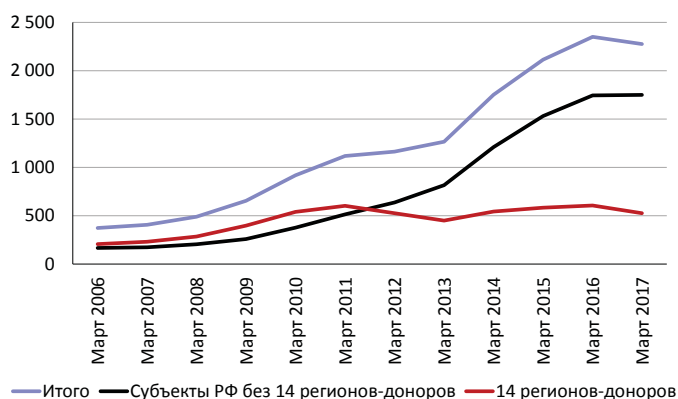

Рис. 3. Динамика государственного долга субъектов Федерации, млрд руб.

Источник: рассчитано авторами по данным Министерства финансов Российской Федерации и Федерального казначейства.

году – увеличение доли бюджетных кредитов из федерального бюджета (на 1 апреля их доля составила 47,4%) и сокращение дорогих кредитов кредитных организаций (28,7%), доля которых еще 2 года назад превышала долю бюджетных кредитов (рис. 5).

Это результат роста с 2014 г. объемов предоставляемых бюджетных кредитов в целях замещения дорогих коммерческих кредитов. Высокий уровень сбалансированности региональных бюджетов позволит сохранить эту тенденцию, что будет также способствовать сокращению расходов на обслуживание долга.

Таким образом, тенденции замедления роста, а затем и сокращения долговой нагрузки регионов, обозначенные в 2016 г., сохраняются и в 2017 г., что дает повод говорить о наличии реальных перспектив решения долговой проблемы регионов.

Что касается отдельных субъектов РФ, то в настоящее время наиболее остро долговая проблема стоит в Кабардино-Балкарской Республике: вследствие резкого падения бюджетных доходов от акцизов на алкогольную продукцию (которое будет носить долгосрочный характер) и сокращения доходов консолидированного бюджета республики на 18,1% за 4 месяца текущего года, размер государственного долга за последние 12 месяцев вырос на 74% (в значительной степени за счет привлечения коммерческих кредитов), что составляет 137% к уровню налоговых и неналоговых доходов Республики. В данном случае основной проблемой является не столько уровень накопленного государственного долга, сколько перспективы его дальнейшего роста в течение года. ●

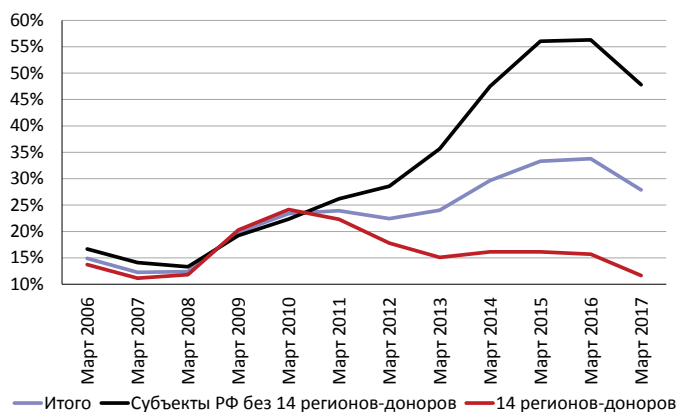

Рис. 4. Динамика государственного долга субъектов РФ относительно налоговых и неналоговых доходов, %
 Источник: рассчитано авторами по данным Министерства финансов Российской Федерации и Федерального казначейства.

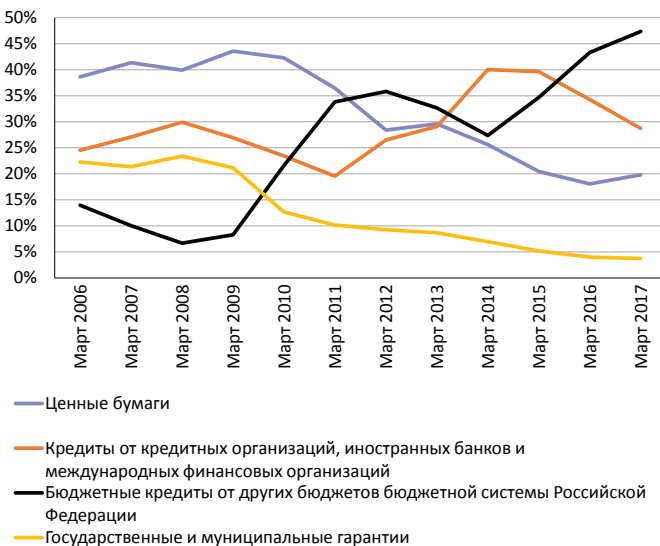

Рис. 5. Структура государственного долга субъектов РФ, %
 Источник: рассчитано по данным Минфина России.

4. ВНЕШНИЙ ОБОРОТ УСЛУГ В 2016 ГОДУ: СНИЖЕНИЕ ИМПОРТА ВЫЗВАНО АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ОГРАНИЧЕНИЯМИ

А.Кнобель, А.Фиранчук

Экспорт и импорт услуг, за исключением сферы «поездки», прекратили снижение, со II квартала 2016 г. их объемы соответствуют показателям 2015 г. Сокращение числа поездок по итогам 2016 г. составило 31%, что связано с санкциями в отношении Турции и ограничением на полеты в Египет – обе страны являются важными направлениями российского зарубежного туризма. Значимо снизился импорт сферы «строительство», что также объясняется антитурецкими санкциями.

По итогам 2016 г. внешнеторговый оборот услуг снизился на 11% до 125 млрд долл. (в 2015 г. – 140 млрд долл.), что соответствует уменьшению в целом внешнеторгового оборота (также на 11%) в 2016 г. Таким образом, доля услуг во внешней торговле России осталась без изменений – 21,1%.

Причиной падения товарооборота стало сокращение экспорта (на 17%) при стабильном импорте (-0,3%)¹. Что касается внешнеторгового оборота услуг, то, наоборот, основной причиной падения стало уменьшение импорта, который снизился на 16% (до 74,4 млрд долл.), а его доля в общем импорте товаров и услуг составила 29,0%, что соответствует доле 2013 г. Экспорт услуг снизился всего на 2% (до 50,5 млрд долл.), доля услуг в общем экспорте увеличилась до рекордных 15,0% из-за более значимого падения экспорта товаров.

Однако факторами снижения импорта услуг стали административные, а не экономические причины. Санкции в отношении Турции и запрет на авиасообщение с Египтом привели к сокращению импорта сфер «поездки» и «строительство» на 31 и 22% соответственно.

Доля стран ЕАЭС во внешнеторговом обороте услуг не претерпела значимых изменений. Снижение доли СНГ связано, в первую очередь, с падением на треть экспорта услуг на Украину. Доля стран АТЭС во внешнем обороте услуг России выросла в основном за счет повышения объема экспорта в США, Корею и Китай и импорта услуг из Китая. ЕС увеличил долю в обороте услуг России до 44,8% (+1,7 п.п.), сохраняя позицию важнейшего импортера (49%) и экспортера (39%) услуг. Из-за административных ограничений доля Египта снизилась до 0 (с 2,3% в 2015 г.), Турции – в 2,5 раза (с 6,4 до 2,6%).

Совокупный импорт и экспорт услуг

Снижение экспорта услуг, которое наблюдалось с IV квартала 2014 г., завершилось в I квартале 2016 г. (см. рис. 1). Падение в I квартале составило 11% (к I кварталу 2015 г.). При этом во II квартале экспорт услуг практически стабилизировался относительно уровня предыдущего года

¹ Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2016 г. // Экономическое развитие России, 2017, № 3 (24). С. 8–17.

(снижение на 3,3%). Экспорт услуг за II–IV кварталы 2016 г. оказался на уровне аналогичного периода 2015 г. (+0,3%).

Снижение импорта услуг наблюдалось на протяжении всего 2016 г., однако его темпы явно замедлялись. Если в I квартале импорт потерял 25% к уровню I квартала 2015 г., то во II и III – уже по 17%, а в IV – импорт был лишь на 5% ниже уровня 2015 г. Основной причиной снижения совокупного импорта услуг стала негативная динамика импорта сферы услуг «поездки» (по сравнению с объемами 2015 г.) (см. рис. 2). Во II квартале 2016 г. общий импорт прочих сфер услуг, как и экспорт, практически прекратили падение.

Импорт сферы услуг «поездки» демонстрировал значимое падение относительно уровня предыдущего года вплоть до последнего квартала 2016 г. Снижение числа поездок за рубеж можно объяснить двумя факторами. Во-первых, продолжавшимся весь 2016 г. падением реальных располагаемых доходов населения (относительно уровня 2015 г.) и переходом к сберегательной модели потребления. В таких условиях сокращение расходов на отпуск представляется наиболее очевидным решением для многих домохозяйств. Во-вторых, значимым негативным фактором стал запрет для туроператоров и турагентств на реализацию своих услуг, предусматривающий воздушные перевозки граждан России в Египет¹ (с 6 ноября 2015 г.) и схожий запрет на продажу туров с посещением Турции² (с 28 ноября 2015 г.). Снижение импорта услуг в эти две страны в 2016 г. достигло 7,67 млрд долл., а общее сокращение импорта сферы услуг «поездки» – 10,98 млрд долл. Этот запрет

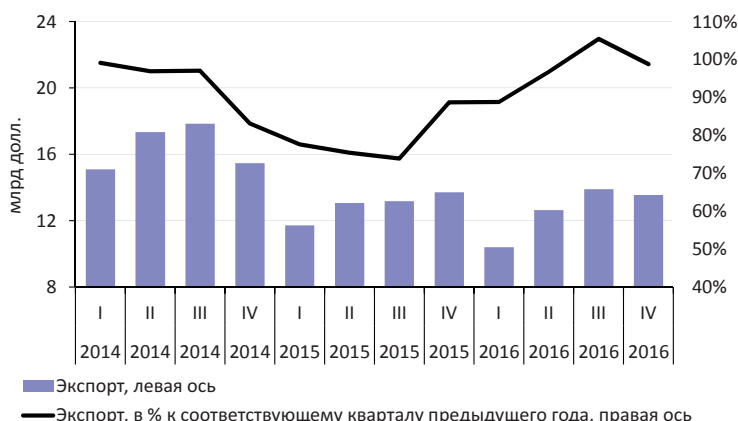

Рис. 1. Динамика экспорта услуг

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

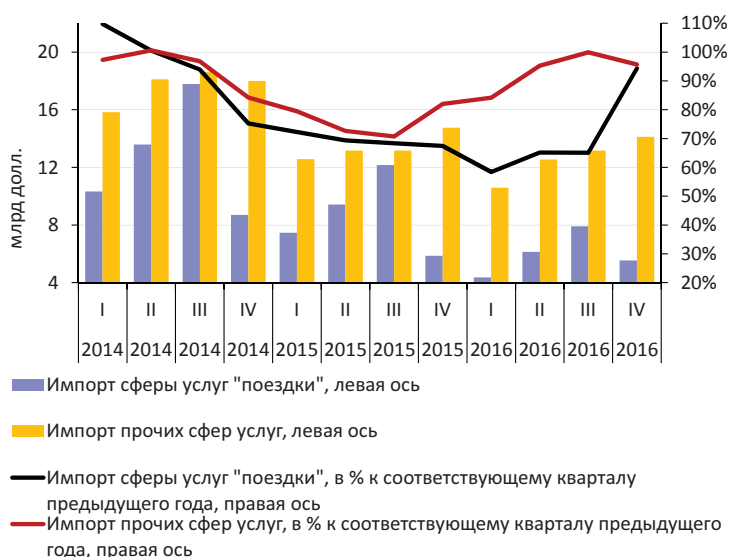

Рис. 2. Динамика импорта услуг

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

1 Указ об отдельных мерах по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации и защите граждан от преступных и иных противоправных действий. <http://kremlin.ru/events/president/news/50647>

2 Указ о мерах по обеспечению национальной безопасности России и защите граждан России от преступных и иных противоправных действий и о применении специальных экономических мер в отношении Турции. <http://kremlin.ru/events/president/news/50805>

привел к расхождению динамики поездок за рубеж и прочих сфер услуг в IV квартале 2015 г., а стабилизация в последнем квартале 2016 г. связана с эффектом низкой базы: запрет повлиял на объемы импорта в сферы «поездки» в IV квартале 2015 г.

В 2016 г. экспорт услуг находился на уровне 68–75% от уровня аналогичных периодов 2013 г., а импорт – на уровне 55–59%. Это привело к улучшению сальдо оборота услуг с -58,3 млрд долл. в 2013 г. и -36,9 млрд долл. в 2015 г. до -23,9 млрд долл. в 2016 г.

Структура импорта и экспорта услуг

Динамика экспорта пяти крупнейших секторов услуг (с долей более 5% общего экспорта услуг) была в основном умеренно негативной. Крупнейшая сфера услуг по объему экспорта – «транспортные услуги» – показала незначительный рост на 2%, вторая и третья сферы услуг по объемам экспорта – «прочие деловые услуги» и «поездки» – снизились по итогам 2016 г. на 7% каждая.

Динамика импорта шести крупнейших секторов услуг (с долей более 5% от общего импорта услуг) была негативной, но менее однородной. Крупнейшая сфера услуг – «поездки» – претерпела наибольшее падение в 2016 г. на 31%, а ее доля снизилась до 32,2% (что значительно ниже средней доли в 41% в 2013–2015 гг.). Снижение импорта «прочих деловых услуг», «транспортных услуг» и «телекоммуникационных услуг» составило 1–5%, «плата за пользование интеллектуальной собственностью» снизилась на 11%. Существенно снизился импорт услуг «строительство» – на 22%. Причина: снижение импорта «строительства

Таблица 1

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ УСЛУГАМИ В СТРУКТУРЕ РАСШИРЕННОЙ КЛАССИФИКАЦИИ УСЛУГ

Сфера услуг	Импорт услуг				Экспорт услуг			
	2015 г., млрд долл.	2016 г., млрд долл.	темп роста, %	доля сферы услуг в 2016 г., %	2015 г., млрд долл.	2016 г., млрд долл.	темп роста, %	доля сферы услуг в 2016 г., %
Услуги по переработке товаров, принадлежащих другим сторонам	0,14	0,14	99	0,2	1,02	1,61	157	3,2
Услуги по техническому обслуживанию и ремонту товаров	1,36	1,56	115	2,1	1,60	1,54	97	3,1
Транспортные услуги	11,73	11,56	99	15,5	16,72	17,03	102	33,7
Поездки	34,93	23,95	69	32,2	8,42	7,79	92	15,4
Строительство	4,83	3,78	78	5,1	3,66	3,56	97	7,0
Страхование и услуги негосударственных пенсионных фондов	1,39	0,97	69	1,3	0,61	0,41	68	0,8
Финансовые услуги	2,00	2,03	101	2,7	1,21	1,17	97	2,3
Плата за пользование интеллектуальной собственностью	5,63	5,00	89	6,7	0,73	0,55	75	1,1
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	5,52	5,40	98	7,3	3,97	3,94	99	7,8
Прочие деловые услуги	18,46	17,48	95	23,5	12,61	11,66	92	23,1
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	1,09	1,03	94	1,4	0,34	0,42	123	0,8
Государственные товары и услуги, не отнесенные к другим категориям	1,53	1,51	98	2,0	0,81	0,83	102	1,6
Всего	88,62	74,38	84	100,00	51,70	50,50	98	100,00

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

в России» на 25%. Отметим, что на Турцию в 2015 г. пришлось 33% импорта строительных услуг в подгруппе «строительство в России». Следовательно, экономические санкции в отношении Турции являются значимой причиной снижения общего импорта этой сферы услуг в 2016 г.

Географическая структура внешней торговли услугами

Географическая структура внешней торговли услугами России с основными партнерами представлена в *табл. 2*. Доля ЕАЭС в 2016 г. изменилась незначительно, составив 5,3%, однако доля Белоруссии увеличилась на 0,2 п.п. по сравнению с 2015 г. (до 2,3%), а доля Казахстана снизилась на 0,3 п.п. (до 2,0%). Такое увеличение доли Белоруссии вызвано сохранением оборота услуг (в долларовом эквиваленте) на уровне 2015 г. в 2,9 млрд долл. при его общем снижении.

Снижение доли СНГ во многом связано с продолжающейся негативной динамикой оборота услуг с Украиной¹. Если в 2015 г. падение было вызвано в основном снижением объема импорта услуг, то в 2016 г. – снижением на треть их экспорта. За последние годы оборот услуг с Украиной снизился с 6,88 млрд долл. в 2013 г. до 2,05 млрд долл. в 2016 г., а ее доля сократилась более чем вдвое: с 3,5% в 2013 г. до 1,6% в 2016 г. Тенденция ухудшения состояния экономических связей с Украиной продолжается: доля в товарообороте снизилась с 4,7% в 2013 г. до 2,2% в 2016 г.².

Динамика и доля торговли услугами с Турцией и Египтом представлена выше.

Несмотря на взаимные экономические санкции доли США и стран ЕС во внешнем обороте услуг России выросли.

Европейский союз, как и в случае с торговлей товарами, продолжает оставаться важнейшим партнером России по обороту услуг с долей в 49% от импорта услуг и 39% от экспорта. Кроме того, доля ЕС в обороте услуг в 2016 г. составила 44,8% (+1,7 п.п.), что превосходит значения 2013–2015 гг. Доля США выросла на 0,4 п.п. и также превзошла значения 2013–2015 гг.

Это соответствует тренду на увеличение доли США в товарообороте России. Отметим, что показатель доли ЕС в товарообороте во многом связан с динамикой цен на энергоресурсы – основной статьей экспорта в ЕС³.

Китай оказался единственным крупным торговым партнером, продемонстрировавшим рост импорта услуг (+14%). А рост экспорта услуг в Китай оказался рекордным – (+27%). Это привело к росту доли Китая в обороте услуг до 3,2% (+0,8 п.п.).

Доля Швейцарии из-за стабильного импорта и экспорта услуг увеличилась до 4,6% (+0,5 п.п. по сравнению с 2015 г.).

1 Фиранчук А. Динамика внешней торговли // Экономическое развитие России, 2016, № 6 (23). С. 18–22.

2 Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2016 г. // Экономическое развитие России, 2017, № 3 (24). С. 8–17.

3 Кнобель А., Фиранчук А. Внешняя торговля в 2016 г. // Экономическое развитие России, 2017, № 3 (24). С. 8–17.

Таблица 2

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ УСЛУГАМИ

Регион/страна	Импорт услуг				Экспорт услуг				Оборот услуг			
	2015 г., млрд долл.	2016 г., млрд долл.	темп роста, %	доля региона/страны в 2016 г., %	2015 г., млрд долл.	2016 г., млрд долл.	темп роста, %	доля региона/страны в 2016 г., %	сальдо в 2016 г., млрд долл.	оборот в 2016 г., млрд долл.	доля региона/страны в 2016 г., %	изменение доли региона/страны, %
СНГ:	5,78	5,26	91	7,1	8,41	6,68	79	13,2	1,42	11,94	9,6	-0,56
ЕАЭС:	3,04	2,86	94	3,8	4,42	3,70	84	7,3	0,84	6,56	5,3	-0,07
Армения	0,27	0,25	92	0,3	0,32	0,31	95	0,6	0,05	0,56	0,4	0,02
Белоруссия	1,70	1,66	98	2,2	1,23	1,24	101	2,5	-0,43	2,90	2,3	0,23
Казахстан	0,79	0,70	89	0,9	2,52	1,85	74	3,7	1,15	2,56	2,0	-0,31
Киргизия	0,28	0,24	87	0,3	0,35	0,30	87	0,6	0,06	0,54	0,4	-0,01
Украина	0,96	0,79	82	1,1	1,87	1,25	67	2,5	0,46	2,05	1,6	-0,38
<i>Услуги, не распределенные по отдельным странам СНГ</i>	0,82	0,69	84	0,9	0,36	0,29	81	0,6	-0,39	0,98	0,8	-0,05
ЕС	40,80	36,20	89	48,7	19,64	19,74	101	39,1	-16,46	55,94	44,8	1,68
АТЭС:	11,22	10,43	93	14,0	6,87	7,94	116	15,7	-2,49	18,37	14,7	1,81
США	4,92	4,02	82	5,4	2,77	3,38	122	6,7	-0,64	7,41	5,9	0,44
Китай	1,76	2,01	114	2,7	1,55	1,96	127	3,9	-0,05	3,98	3,2	0,82
Южная Корея	0,81	0,79	97	1,1	0,47	0,49	105	1,0	-0,30	1,27	1,0	0,11
Япония	0,61	0,55	91	0,7	0,45	0,42	94	0,8	-0,13	0,98	0,8	0,02
Прочие страны:	18,90	11,25	60	15,1	10,87	9,65	89	19,1	-1,61	20,90	16,7	-4,50
Турция	6,64	2,16	33	2,9	2,34	1,13	48	2,2	-1,03	3,29	2,6	-3,77
Швейцария	2,64	2,56	97	3,4	3,05	3,18	104	6,3	0,62	5,74	4,6	0,54
Египет	3,21	0,02	0	0,0	0,07	0,04	54	0,1	0,02	0,05	0,0	-2,29
<i>Услуги, не распределенные по отдельным странам дальнего зарубежья</i>	11,71	11,24	96	15,1	6,00	6,50	108	12,9	-4,74	17,74	14,2	1,57
Всего	88,40	74,38	84	100,0	51,79	50,50	98	100,0	-23,88	124,88	100,0	

Источник: расчеты авторов на основе данных ЦБ РФ.

5. ПОВЫШЕНИЕ МРОТ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

В.Ляшок

В соответствии с поручением председателя правительства разрабатывается законопроект о повышении минимального размера оплаты труда (МРОТ) до уровня прожиточного минимума. Это означает, что МРОТ будет повышен на 40%, а его отношение к средней заработной плате может увеличиться с 20 до 28%. По оценкам, законопроект затронет 3–4 млн занятых. Опыт показывает, что повышение МРОТ, с одной стороны, приводит к снижению неравенства и общему росту зарплат в формальном секторе, а с другой, – к увеличению безработицы среди наиболее уязвимых групп занятых и росту неформального сектора. При этом изменения коснутся не всей страны, а преимущественно наименее развитых регионов.

В мае 2017 г. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев поручил подготовить законопроект о повышении минимального размера оплаты труда до уровня прожиточного минимума. Эта идея уже не раз обсуждалась в прошлом, а в Трудовом кодексе, принятом в 2001 г., указывалось, что МРОТ не может быть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, и предполагалось, что он будет поэтапно доведен до этой величины. Можно ожидать, что в ближайшее время законопроект будет подготовлен, принят и в течение следующих двух-трех лет МРОТ достигнет целевого значения.

В настоящее время величина минимального размера оплаты труда составляет 7500 рублей (с 1 июля предполагается повышение до 7800 рублей). Прожиточный минимум устанавливается ежеквартально с отставанием в несколько месяцев – в IV квартале 2016 г. он составлял 10466 рублей для трудоспособного населения. Таким образом, при существующих показателях это означает повышение МРОТ на 40%. Отношение минимального размера оплаты труда к средней заработной плате (так называемый индекс Кейнца) в таком случае увеличится с текущих 20 до 28%. В настоящее время этот показатель существенно ниже, чем во

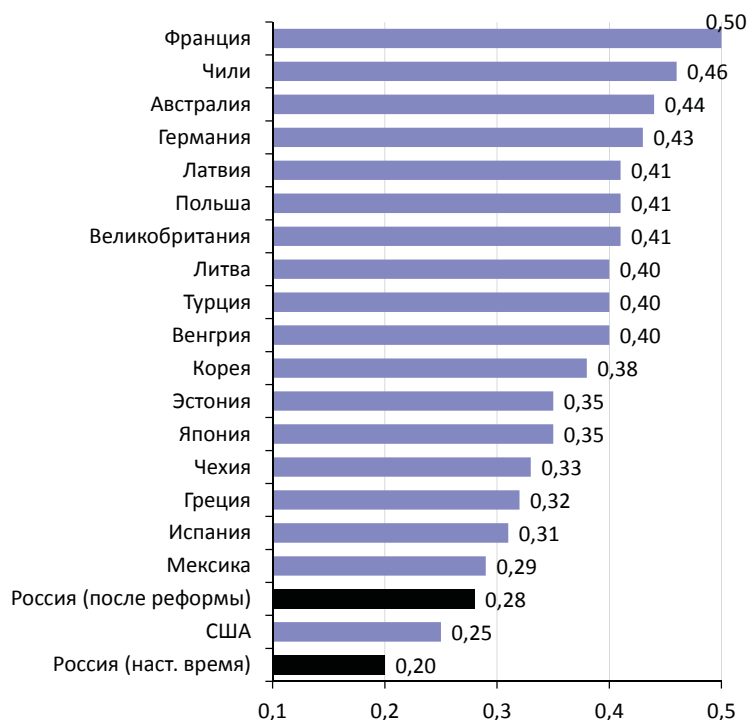

Рис. 1. Отношение МРОТ к средней заработной плате
Источник: OECD Stat, Росстат.

многих развитых странах, включая не только европейские государства, но и США, где рынок труда является гораздо менее зарегулированным, чем в Европе (рис. 1). Однако повышение МРОТ до нового уровня практически не повлияет на положение России в общем рейтинге.

Численность работников, которых затронет реформа, невелика. Данные Росстата показывают, что в 2016 г. около 10% работников предприятий и организаций получали заработную плату ниже прожиточного минимума, из них около 1–2% – ниже МРОТ. Последнее не противоречит трудовому законодательству, так как эти работники могли трудиться не на полную ставку. Повышение федерального минимума сократит эту группу работников, хотя часть населения все еще будет получать заработную плату ниже прожиточного минимума. При этом официальная численность работников предприятий и организаций составляет в России примерно две трети от общей численности занятых. Напрямую повышение МРОТ может повлиять только на таких работников, в то время как занятых в неформальном секторе (самозанятые, индивидуальные предприниматели и работающие на них лица) может не затронуть эта реформа. Таким образом реформа прямо коснется 3–4 млн чел. или 5–6% всех занятых. В случае роста реальных заработных плат эта величина будет даже меньше.

Что означает повышение МРОТ для рынка труда? Среди экономистов нет четкого и однозначного ответа на этот вопрос. Хотя простейшая экономическая модель однозначно говорит о снижении занятости и росте уровня безработицы. В случае же, если новый уровень МРОТ оказывается «завышенным», более сложные теоретические модели уже не дают такого однозначного ответа. Например, при монопсонии (т.е. когда на рынке труда имеется одна фирма-покупатель, например, в широко распространенной для России ситуации моногородов), повышение МРОТ может увеличить занятость, как было показано еще в середине прошлого века Дж. Стиглером¹ и Р. Лестером². Вместе с тем в ситуации, когда помимо формального сектора на рынке труда есть и второй, неформальный, в котором заработная плата не зависит от институциональных ограничений, а у работника есть возможности свободно мигрировать между секторами, рост МРОТ приводит лишь к перетоку работников из одного сектора в другой.

Неопределенности возникают и при анализе данных по введению или повышению МРОТ в различных странах. В монографии Д. Ньюмарка и В. Уошера³, где было проанализировано более 150 работ на данную тему, в 2/3 из них было констатировано негативное влияние законодательно установленного значения МРОТ на занятость. Нет полной определенности и с влиянием на неформальную занятость.

Российские данные дают более четкую картину по прошлым изменениям МРОТ. В сентябре 2007 г. он увеличился более чем в 2 раза – с 1100 до 2300 руб., с января 2009 г. был поднят до 4330 руб., т.е. менее чем за полтора года этот показатель увеличился почти в 4 раза. Исследования

1 Stigler G. J. The economics of minimum wage legislation //The American Economic Review. – 1946. – Т. 36. – №. 3. – С. 358–365.

2 Lester R. A. Marginalism, minimum wages, and labor markets //The American Economic Review. – 1947. – Т. 37. – №. 1. – С. 135–148.

3 Neumark D. et al. Minimum wages and employment //Foundations and Trends® in Microeconomics. – 2007. – Т. 3. – №. 1–2. – С. 1–182.

А. Ощепкова и А. Муравьева¹ показали, что повышение МРОТ более чем в 2 раза в 2007 г. привело помимо роста неформальной занятости и к росту молодежной безработицы. В то же время на занятость более возрастных групп реформа влияния не оказала. В формальном же корпоративном секторе наблюдалось снижение неравенства по заработным платам. Как показано в исследовании А. Лукьяновой², в период роста МРОТ в 2007–2009 гг. произошел резкий скачок заработных плат у низкооплачиваемых работников. В исследовании А. Шаруниной³ показано, что повышения МРОТ не только увеличивали заработную плату у низкооплачиваемых работников бюджетного сектора, но и сдвигали вверх всю «сетку» зарплат в этом секторе. В целом это привело к снижению разрыва в заработных платах между бюджетным и небюджетным секторами. На основной же вопрос, привели ли реформы 2007–2009 гг. к снижению бедности, отвечает исследование С. Капелюка⁴. Как показано в его работе, повышение МРОТ действительно внесло свой вклад в снижение бедности, однако, по мнению автора, достаточно ограниченный.

Таким образом, повышение МРОТ приводит как к положительным (снижение неравенства и общий рост зарплат в формальном секторе), так и к отрицательным последствиям (рост неформального сектора, безработицы у наиболее уязвимых групп работников), а эффект обычно сложно прогнозируем и зависит от множества параметров.

При этом можно прогнозировать, что влияние изменений МРОТ на рынок труда будет серьезно дифференцировано по регионам. В 2007 г. у регионов появилась возможность устанавливать собственный уровень минимальной заработной платы, при этом он должен быть не ниже определенного федеральным законом. В результате 53 региона воспользовались этой возможностью, и в некоторых из них уже сейчас этот показатель выше федерального прожиточного минимума. В 19 регионах в конце 2016 – начале 2017 гг. МРОТ для работников организаций небюджетной сферы и индивидуальных предпринимателей был установлен выше 10500 руб., причем в основном это были территории Севера (Якутия, Мурманская область, Камчатский край) и наиболее богатые регионы (Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский автономный округ). В итоге 44 млн человек уже проживает в регионах, где еще не подготовленный законопроект уже формально выполнен. В 32 регионах, в которых проживает 54% населения страны, МРОТ установлен на уровне не ниже регионального прожиточного минимума (который может быть меньше федерального).

Это означает, что реформа коснется в первую очередь более бедных регионов с высокой неформальной занятостью, где доля работников, получающих зарплаты ниже МРОТ, существенно выше 10%. Попытка стиму-

1 Muravyev A., Oshchepkov A. Y. The Effect of Doubling the Minimum Wage on Employment: Evidence from Russia. – 2015. Muravyev, Alexander and Oshchepkov, Aleksey (2013) Minimum Wages, Unemployment and Informality: Evidence from Panel Data on Russian Regions. IZADiscussion Paper No. 7878

2 Lukiyanova A. Effects of Minimum Wages on the Russian Wage Distribution / NRU Higher School of Economics. Series EC "Economics". 2011. No. 09.

3 Шарунина А. В. Является ли российский "бюджетник" "неудачником"? Анализ межсекторных различий в оплате труда // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 17. № 1. С. 75–107.

4 Kapelyuk S. The effect of minimum wage on poverty // Economics of Transition. – 2015. – Т. 23. – №. 2. – С. 389–423.

лизовать производительность и снизить бедность среди работников столкнется со слабой экономикой региона и невозможностью привлечь дополнительные инвестиции. Высокое межрегиональное неравенство создает дополнительные сложности, не позволяющие решить проблему работающих бедных и высокого неравенства едиными для всей страны методами. Проблема низкого уровня минимальной заработной платы должна решаться на региональном, а не на общероссийском уровне. ●

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Арлашкин И., научный сотрудник лаборатории бюджетной политики Института Гайдара, научный сотрудник лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС

Божечкова А., заведующая лабораторией денежно-кредитной политики Института Гайдара, старший научный сотрудник ИПЭИ РАНХиГС

Дерюгин А., директор Центра исследований региональных реформ, руководитель лаборатории исследований бюджетной политики ИПЭИ РАНХиГС

Киюцевская А., старший научный сотрудник Центра изучения проблем центральных банков ИПЭИ РАНХиГС

Кнобель А., заведующий лабораторией международной торговли Института Гайдара, директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС

Ляшок В., научный сотрудник лаборатории исследований пенсионных систем и актуарного прогнозирования социальной сферы ИНСАП РАНХиГС

Трунин П., руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы», Института Гайдара, ведущий научный сотрудник ИПЭИ РАНХиГС

Фиранчук А., старший научный сотрудник лаборатории исследований международной торговли ИПЭИ РАНХиГС

Цухло С., заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института Гайдара